

LUKE
ALLNUTT

Люк Олнат

Небо
принадлежит
нам

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
О54

Luke Allnutt
WE OWN THE SKY
Copyright © Luke Allnutt 2018
All rights reserved

Перевод с английского Екатерины Клиповой

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-13531-4

© Е. И. Клипова, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

*Посвящается
Маркете, Томми и Дэнни*

Часть 1

Перед тем как уйти, она читала. С томиком ее можно было застать на любимом стуле, или она устраивалась на кровати, прислонившись к горе подушек. Прикроватная тумбочка была завалена книгами, и те, которым не хватило места, валялись на полу рядом. Больше всего она любила иностранные детективы: продираться сквозь хитросплетения сюжетов ей было непросто, но она не сдавалась и с застывшим, словно маска, лицом поглощала романы один за другим, по-детски серьезно поджав губы.

Иногда среди ночи я просыпался и видел в свете лампы четкий силуэт Анны. Она сидела с идеально ровной спиной, как ее всегда учили. Я поворачивался и смотрел прямо на нее, но она меня не замечала: ее взгляд был прикован к страницам книги, которые она листала с таким сосредоточенным видом, словно готовилась к важному экзамену.

Начинала она с признанных мастеров жанра из Скандинавии — Хеннинга Манкелля, Стига Ларсона, — но вскоре перешла на более экзотический немецкий нуар сороковых: романы за авторством

какого-то тайца о событиях, имевших место в Пхукете в шестидесятых. И если поначалу это были книги в привычно оформленных, узнаваемых обложках известных издательств, то со временем их сменили чудные экземпляры, в необычных переплетах и явно напечатанные в других странах.

А потом Анна исчезла. Я не знаю, где теперь все эти книги. Я обшарил все полки — вдруг Анна нечаянно сунула их туда, — но так ничего и не нашел. Наверное, она сложила их в цветной мусорный мешок — у нее были такие: для каждого вида мусора — свой цвет, — и забрала с собой.

Дальше — мрак. Попытки забыться, чтобы не чувствовать боли. Задернутые шторы и водка. И тревожная тишина. Так бывает накануне затмения, когда вдруг замолкают птицы. Помню, что сидел в гостиной, тупо уставившись на стакан, и пытался сообразить: как посчитать, на сколько пальцев в нем водки — по горизонтали или по вертикали?

По дому гулял сквозняк. Задувало из-за двери, сквозь щели в стенах. Думаю, я знал, откуда он взялся, но не мог заставить себя пойти туда, не мог подняться наверх. Ведь это старое, омертвевшее место уже не было нашим домом. И второго этажа для меня больше не существовало.словно взрослые строгонастрога запретили входить в те комнаты, потому что прятали в них свои секреты. Так я и сидел внизу, чувствуя, как ветер холодит шею. Все ушли, оставив мне невыносимую тишину, захватившую все вокруг.

О, ей бы это определенно понравилось: вшивый пабишко, я в одиночестве забился в дальний угол, телевизор показывает лишь помехи, а какой-то парень,

прикидывающийся глухим, пытается продать свещающиеся в темноте брелоки с диснеевскими винни-пухами. В двери пивнушки зияет дыра, будто кто-то изо всех сил ее пнул, и сквозь прибитый сверху кусок полиэтилена, хлопающий на ветру, я вижу слоняющихся по стоянке подростков: они курят и выделывают разные номера на стареньком велосипеде для трюков.

«Так я и знала».

Нет, вслух она бы этого не произнесла — не ее уровень. Это было бы написано у нее на лице: бровь чуть вздернута, улыбка вот-вот тронет губы.

Анна считала, что мне слегка недостает интеллигентности: сразу видно, что я рос в муниципальном районе. Как-то раз я упомянул, что отец по воскресеньям пропадает в букмекерской конторе. Вежливое недоумение, снисходительная полуулыбка — вот что было мне ответом. Потому что ее семья даже в пабах не бывает. «Что, и на Рождество?» — спросил я. «Ну да», — сказала она. После обеда они могут пропустить по стаканчику шерри, не более того. Им больше нравится ходить в церковь, слушать звон колоколов.

Сейчас здесь темно, и я не помню, было ли так всегда, или когда-то сюда заглядывало солнце. Снаружи кто-то заводит машину, и огни фар на мгновение пронзают полумрак заведения, выхватывают из темноты предметы и людей, словно прожектор на тюремной вышке. Я иду к барной стойке и заказываю еще пива. Сидящие на табуретах выпивохи дружно поворачивают головы и кивают, но я стараюсь на них не смотреть.

Среди них, лицом к двери, сидит крепкий рыбак. Он рассказывает расистский анекдот о неверной жене и единственном лобковом волосе, и я вспоминаю, что слышал его в детстве, на пути из школы: это было в одном из закоулков Восточного Лондона, превращенном в свалку для порножурналов и банок из-под колы. На последней фразе завсегдатаи смеются, но барменша отворачивается, даже не улыбнувшись. На стене позади нее висят пинапы с третьей страницы «Сан» и газетными вырезками о событиях одиннадцатого сентября в рамках.

— Четыре десять, милый, — говорит барменша и ставит передо мной полный бокал.

У меня трясутся руки, и, пытаясь выскрести из бумажника мелочь, я рассыпаю монеты на стойку.

— Извините, — бормочу я. — Руки замерзли.

— Еще бы не замерзли, — отвечает она, — в такую-то холодину. Давай-ка я сама.

Женщина собирает монеты со стойки, а недостающую сумму отсчитывает из тех, что лежат у меня на ладони, словно я какой-нибудь немощный пенсионер.

— Вот так, — говорит она. — Четыре фунта десять пенсов.

— Спасибо, — благодарю я, слегка краснея от стыда, и она улыбается.

У нее доброе лицо: в местах, подобных этому, такое нечасто встретишь.

Когда она наклоняется, чтобы выгрузить посуду из посудомоечной машины, я достаю фляжку с водой и делаю большой глоток. Лучше так, чем заказывать стопку к каждой пинте пива: тогда точно поду-

мают, что алкоголик, и весь вечер будут опасноливо косяться — как бы ты чего не выкинул.

Я уже собираюсь вернуться в свой угол, как вдруг замечаю в конце барной стойки симпатичную девушку. Чуть раньше я видел ее в компании одного из приятелей рыбака, но того уже нет — умчался на своем прокачанном хетчбэке, визжа шинами так, что до сих пор в ушах шумит. Похоже, у нее были планы на этот вечер: короткая юбка, откровенный топ с блестками, густо накрашенные ресницы.

Убедившись, что барменша не обращает на меня внимания, я снова отхлебываю из фляжки. Меня охватывает знакомое чувство эйфории и безмятежности с налетом легкой грусти. Красотка у стойки перешла на шоты. Что-то прокричав барменше — видимо, они подружки, — она расхохоталась и чуть не свалилась со стула, но вовремя удержала равновесие.

Скоро подсяду к ней. Вот только еще немного выпью.

Прищурившись, чтобы картинка на экране не расплывалась, прокручиваю ленту новостей на «Фейсбуке». Страница у меня пустая, вместо фото профиля — бледный мужской силуэт. Я никогда не ставлю лайков, ничего не комментирую, никого не поздравляю с днем рождения и тем не менее регулярно захожу сюда: листаю, осуждаю, листаю, осуждаю — и так без конца. Рассветы и закаты, отчеты о велосипедной прогулке по Шотландскому нагорью, тонны выгруженных из «Инстаграма» фотографий тайской лапши, тостов с авокадо и суши (отку-

да эта непостижимая страсть фотографировать еду?): все эти посты — словно крошечные замыганные окна, сквозь которые я заглядываю в жизни тех, с кем у меня больше нет ничего общего.

Глубоко вздохнув, делаю по глотку из бокала и фляжки. Мне жаль их, этих падких на трагедии и модные веяния шлюх, у которых вместо фотографий радуга, или трехцветный флаг, или беженцы, или жертвы последней атаки террористов в какой-то богом забытой стране. Они без устали плодят хештеги и посты о том, как приятно помогать ближним, — просто потому, что поехали на каникулы в Африку и поучаствовали в строительстве сельской школы или поцеловали грязную руку попрошайки, блеснув своими жемчужно-белыми зубами.

Немного разворачиваюсь, чтобы лучше видеть девицу. Она снова заказала выпивку и прямо-таки заходится от смеха, просматривая какое-то видео и тыча пальцем в экран мобильного в попытке привлечь внимание своей подруги барменши.

Снова опускаю взгляд на экран телефона. Иногда я заставляю себя смотреть на фото чужих детей. Это как сдирать корку, затянувшую свежую рану, — невозможно остановиться, пока не появится темно-красная, с металлическим отливом капля крови. Их много, этих фото: сначала огромные животы, в которых копошится новая жизнь; потом беззубые первоклашки с ранцами и в пиджаках не по росту; выходящие на пляже: песочные замки, окруженные канавками, вафельные рожки на песке, выпавшие из неловких ручек. Обувь, выстроенная в ряд на коврике, — сначала большие туфли, потом маленькие башмачки.

И конечно, мамыши, тусующиеся на «Фейсбуке». Чтоб им провалиться. Можно подумать, это они выдумали материнство и изобрели вагину. Твердят самим себе, что не похожи на своих матерей. Ну, ясное дело: те ведь не едят киноа, не устраивают из своих волос черт знает что и не ведут собственный блог «Креативные идеи: чем занять непослушных деток младше пяти».

Подхожу наконец к захмелевшей девице. Теперь, когда внутри меня достаточно алкоголя, я чувствую себя увереннее, дрожь в руках унялась. Я встаю рядом и улыбаюсь. Она, пошатываясь, разглядывает меня с ног до головы.

— Не хочешь выпить? — весело спрашиваю я, как будто мы уже знакомы.

В остекленевших глазах промелькнуло удивление. До этого дамочка почти лежала на прилавке, но тут собралась с силами и приняла вертикальное положение.

— Ром с колой, — бросает она мне, напустив на себя прежний неприступно-развязный вид, и отворачивается, барабанив пальцами по стойке.

Пока я делаю заказ, она притворяется, будто ищет в телефоне что-то важное, а на самом деле просто беспорядочно тычет в один значок приложения за другим.

— Кстати, я Роб, — говорю я.

— Чарли, — отвечает она. — Но все зовут меня Чарлз.

— Ты откуда?

— Из Камборна. — Она разворачивается ко мне. — Но сейчас живу здесь, у сестры.

Чарли украдкой зыркает на меня, думая, что я этого не замечаю.

— Ты, поди, и не слышал о Камборне?

— Там вроде руду добывают?

— Ага. Правда, это раньше было. У меня отец на Саут-Крофти работал, пока рудник не закрыли.

У нее сильный корнуэльский акцент: окончаний почти не слышно, отчетливое «р» в конце слов.

— А ты откуда?

— Из Лондона.

— Вон оно как. Славно.

— Ты была в Лондоне?

— Пару раз. — Она снова смотрит в противоположную сторону и делает глубокую затяжку.

Девушка моложе, чем я думал: у нее медного оттенка волосы и мягкие, почти детские черты. Лет двадцать пять, не больше. Есть в ней что-то неуловимо странное, нелепое, и дело не только в ее пьяном поведении и размазанной вокруг глаз туши — просто она совершенно не вписывается в «Смагглерз»: этакая подружка невесты, которая в последний момент решила не идти на свадьбу, а отсидеться в грязном пабе.

— Значит, на выходные сюда?

— Вроде того.

— Ну и как тебе Тинтагель? — спрашивает она.

— Я только сегодня приехал, так что в замок наведуясь завтра. Я остановился в отеле неподалеку.

— То есть раньше ты здесь не был?

— Нет.

Я солгал, но рассказывать ей о том времени, когда мы ездили сюда, выше моих сил. Тогда нас было

трое. Стояло сырое английское лето, дул сильный ветер, и мы кутались в надетые поверх шортов дождевики. Помню, как Джек носился по траве рядом с парковкой, как Анна боялась, что он подбежит слишком близко к краю обрыва, и не переставая твердила: «Держись за руку, Джек, не отпускай руку». Помню, как мы шли по извилистой тропе, а когда взобрались на вершину скалы — погода неожиданно переменилась, будто вмешались высшие силы: дождь прекратился, облака расступились, и появилась радуга.

— Радуга, радуга! — закричал Джек, подскакивая то на одной ножке, то на другой, а опавшие листья танцевали вокруг него, словно языки пламени.

Внезапно, будто кто-то дотронулся до него или шепнул что-то на ушко, он замер в столбе солнечного света, глядя вверх, туда, где в голубом небе растворялся конец разноцветной дуги...

— Все нормально?

— Что? А, да, конечно, — отвечаю я и делаю глоток пива.

— Ты задумался.

— Извини.

Ничего не сказав, Чарли пьет ром с колой и, опустив стакан наполовину, встряхивает лед на дне.

— Тинтагель вообще ничего, — говорит она. — Я работаю в деревне, в сувенирной лавке. А здесь у меня подруга работает.

Кивок в сторону барменши с добрым лицом.

— Симпатичный паб.

— Сойдет, — соглашается она. — На выходных тут весело, а по вторникам можно и караоке попеть.

— А ты поешь?

Тихий смешок.

— Было раз, больше — ни в жизни.

— Жаль, я бы послушал, — улыбаясь, гляжу ей в глаза.

Она звонко смеется, потом с притворной застенчивостью отводит взгляд.

— Тебе то же самое? Я возьму еще пива.

— А к этому больше не хочешь приложиться? —

Она протягивает руку и хлопает по карману моей куртки, где спрятана фляжка.

Значит, она все видела? Проклятье. Пока я думаю, как отвертеться, она осторожно трогает меня за руку:

— Трюкач из тебя никудышный.

Девушка смотрит на запястье, вспоминает, что не надела часы, и проверяет время на мобильном.

— Ладно, давай по последней, — кивает она и, хихикая и оправляя свою слишком облегающую юбку, кое-как слезает со стула. Чарли идет в туалет — о чем не постеснялась во всеуслышание заявить, — и я вижу проступающие под юбкой очертания трусиков, красноватые отметины от табурета на бедрах.

Когда она возвращается, от нее пахнет духами, туши под глазами больше нет, а волосы собраны в хвост. Мы пьем шоты и болтаем, по очереди отхлебывая из фляжки. Потом она заходит на «Ютуб» и сначала показывает мне видео про собак: ее семья разводит риджбеков; затем — ролики с уличными драками и избиением людей, попавшие в объектив скрытых камер, — потому что у нее есть друг, который раньше занимался кикбоксингом, а теперь сидит в тюрьме за насилие.

Я поднимаю голову — и все вокруг сливается в одно яркое пятно. Горит свет, играет какая-то песня, диск заедает, откуда-то доносится резкий свистящий звук работающего пылесоса. Я что — отрубился? Чарли по-прежнему рядом, и мы, оказывается, пьем водку с «Ред Буллом». По лицу Чарли блуждает улыбка, она смотрит на меня влажными глазами и снова начинает смеяться, тыча пальцем в барменшу, которая, насупившись, чистит ковер.

Наконец мы вываливаемся из паба. («Наверное, мне пора домой», — смущенно шепчет Чарли, строя из себя невинную девушку на первом свидании.) Она берет меня под руку, и, глупо хихикая и шикая друг на друга, мы бредем по безлюдной Хай-стрит к сувенирному магазину, где работает Чарли. С грехом пополам одолев лестницу, ведущую в крошечную квартирку над магазином, мы останавливаемся перед дверью. Чарли смотрит мне в глаза, чуть выпятив губы, и на меня накатывает волна пьяного возбуждения. Я рывком привлекаю ее к себе, мы начинаем целоваться, а моя рука шарит у нее под юбкой.

Мы лежим на узком матрасе на полу. Она уткнулась мне в шею, я — ей в макушку — лишь бы не смотреть друг другу в глаза. Выждав некоторое время, достаточное, на мой взгляд, в подобной ситуации, я поднимаюсь и иду в туалет. Заворачиваю в какую-то комнату, щелкаю выключателем и вижу, что ошибся дверью: это не туалет, а детская. После спальни Чарли, где одни голые стены, я никак не ожидал, что в этой квартире может быть такая уютная, прекрасно обставленная комната. Лампа в фор-

ме самолета, точно такой же нарисован на стене. На полу коробки с игрушками. На письменном столе лежат цветные карандаши и стопки бумаги, а на доске висят сертификаты и дипломы за достижения в футболе, дзюдо, учебе.

Моя рука сама тянется к ночнику. На потолке тут же появляются бледно-голубые изображения луны и звезд. Подхожу к окну и чувствую едва уловимый аромат кондиционера для белья и детского шампуня. В углу замечаю желтый фонарик — точно такой же был у Джека. Беру его: твердый пластик, прочная резина, огромные кнопки — специально для неловких детских пальчиков.

— Вот ты где, — внезапно раздается рядом голос Чарли.

Я вздрагиваю от неожиданности. Интонация была почти вопросительной.

— Прости, — бормочу я.

Из меня внезапно выветрился весь хмель, в руках снова начинается дрожь.

— Я искал туалет.

Она опускает взгляд, и я обнаруживаю, что все еще держу фонарик.

— Это для моего мальчика, — говорит она. На ее лице танцует маленькая луна. — Сегодня он ночует у сестры, поэтому я в загуле.

Чарли выравнивает стопку бумаги и мелки так, чтобы они лежали параллельно краю стола.

— Я только что сделала здесь ремонт. — Она убирает что-то в ящик тумбочки у кровати. — Пришлось половину своего добра продать, чтобы за него заплатить, но оно того стоило, да же?

— Комната чудесная, — искренне соглашаюсь я, и она улыбается.

С минуты мы стоим, глядя на пляску планет и звезд.

Я знаю, о чем думает Чарли: есть ли у меня дети и люблю ли я их, но мне не хочется слышать эти вопросы, поэтому я целую ее. Она все еще пахнет водкой и табаком. Наверное, ей неуютно оттого, что мы целуемся здесь, в комнате ее сына, поэтому она отстраняется от меня, забирает из моих рук фонарик и аккуратно ставит его обратно на полку. Потом выключает свет и уводит меня.

Мы возвращаемся на матрас. Чарли чмокает меня в шею — так целуют перед сном детей, пожелав им спокойной ночи, — отворачивается и, не сказав ни слова, засыпает. В комнате прохладно, поэтому я накрываю ее обнаженное тело, подтыкаю одеяло и тут же вспоминаю о Джеке. *Баю-бай, засыпай.* Я допиваю водку и лежу с открытыми глазами, пялясь в бледный сумрак и слушая, как дышит Чарли.

Утро выдалось холодным, но солнечным. Я прохожу через стоянку, мимо сувенирного магазина «Волшебник Мерлин» и двустороннего рекламного щита: плакат на одной стороне предлагает экскурсии, посвященные королю Артуру, а на другой — две порции корнуэльского чая по цене одной. Оборудование надежно закреплено у меня за спиной. Шагаю вниз, в лощину, потом — по коротенькому участку, выложенному камнями, — это мост на остров. Справа от меня — пологий склон, затянутый вплоть до края утеса зеленым сукном. То тут, то там виднеются кроличьи норы и редкие проплешины песка.

У Чарли я глаз не сомкнул. Когда уходил, она чуть пошевелилась на матрасе, и я представил себе, как она исподтишка следит за мной, дожидается, пока я захлопну за собой дверь. Моя гостиница всего в двух шагах отсюда. Глупо снимать на ночь номер, если до дома рукой подать, но мне хотелось напиться и не думать о том, как не свернуть себе шею на обратном пути.

Взбираюсь по горной тропе. Голова раскалывается, во рту все еще чувствуется вкус «Ред Булла». Медленно, поскольку склон становится все круче, а сумка с фотоаппаратом все тяжелее, поднимаюсь по деревянным ступенькам, ведущим к руинам замка. Край скалы так близко, что до меня долетают соленые брызги. Я останавливаюсь, чтобы передохнуть и понаблюдать за приливом: море стремительно наступает, беспощадно поглощая замки из песка и водоросли, выброшенные на берег во время последнего отлива.

Отдохнув, карабкаюсь еще выше, к заброшенной смотровой площадке. Туристов здесь не бывает, только ветер да чайки. Я нахожу плоский участок земли и кладу на него прихваченную с собой деревянную доску: она нужна для того, чтобы тренога стояла ровно и не дрожала. Сверху придавливаю ее грузом, чтобы во время съемки ненароком не сдвинуть ее с места. Закрепив на треноге объектив, я подсоединяю к нему камеру и проверяю, достаточно ли плавно она вращается.

Условия для съемки великолепные: оттенки моря, песка и травы такие живые и насыщенные, что невольно сомневаешься в реальности пейзажа: кажется, будто все это — иллюстрация в детской книжке. Я поворачиваюсь к морю спиной и смотрю на изгибы холмов, их пологие склоны, убегающие в долину, в которой приютился игрушечный городок. Это место невероятно. Отсюда кажется, что можно вытянуть руки и дотронуться до земли, погладить ее, ощущая пальцами все бугорки и впадинки, прочесть послание, написанное шрифтом Брайля.

Ветер усиливается: пора приниматься за работу. Я начинаю съемку панорамы с северо-востока. Делаю одну серию снимков за другой, каждый раз поворачивая камеру на определенный угол, до тех пор, пока не возвращаюсь в ту точку, с которой начал.

Когда жужжание камеры затихает, я смотрю на экран, проверяя, все ли кадры сохранились. Потом упаковываю оборудование и отправляюсь тем же путем вниз, на стоянку.

Около часа на машине вдоль побережья — и я буду дома. За все время, что я еду по деревне, мне не встречается ни души. Киоск на углу не работает: его открывают только с началом сезона. Дорога ведет мимо церкви, потом петляет среди дюн; оставив позади информационное бюро Национального фонда, я пробираюсь по колее проселочной дороги, которая ведет на вершину скалы. Здесь стоит мой дом.

Этот коттедж, примостившийся на голой скале, покорила меня не потому, что отрезан от мира, — на противоположном берегу бухты находится Сент-Ив, но здесь на многие мили кругом других построек не встретишь. Меня пленило в нем то, что он совершенно незащищен перед беспощадным натиском стихии. Когда дождь хлещет в окна и стены сотрясаются от штормового ветра, кажется, что дом вот-вот рухнет и обломки унесет в море.

Едва переступив порог, я наливаю себе огромный стакан водки и поднимаюсь в свой кабинет. Усевшись за письменный стол, я долго смотрю в слуховое окно на бухту. Потом включаю компьютер и захожу в свой профиль на сайтах знакомств «ОКу-

пидон» и «Хэвенли Синфул». У меня одно сообщение — от Саманты, с которой я общался несколько недель назад.

Приветик, ты куда пропал? Еще не передумал встречаться?

Я щелкаю на раздел с ее фотографиями, сплошь идиотскими: какие-то лакированные туфли, сломанные зонтики, вид из иллюминатора на крыло самолета, сердечки на пене капучино. Наконец нахожу одно ее фото, сделанное в отпуске, и вспоминаю, что она недурна собой — худенькая темноволосая мышка.

Вообще-то это ты пропала! Конечно не передумал...

Я подключаю камеру к компьютеру, скидываю на рабочий стол новые снимки и, просмотрев их, ликую: кадры хорошо совмещены друг с другом, обработки потребуются минимум. Загружаю их в программу, которую написал сам, и она сшивает изображения в круговую панораму. Границы между ними размываются, перемешиваются, словно рассасывающиеся шрамы.

Со светом никогда не угадаешь. Бывает, день кажется идеальным для съемки, но кадры получаются — одно расстройство: то зернистые, то пересвеченные. Но только не сегодня: здесь море играет на солнце, трава сочно-зеленая, как сукно на бильярдном столе, а над горизонтом видны слабые очертания луны.

Программа закончила работу, и теперь панорама напоминает гобелен из Байё в миниатюре. Я пакую ее в контейнер, делаю прописку в коде, чтобы пользо-

Оглавление

ЧАСТЬ 1	7
ЧАСТЬ 2	29
ЧАСТЬ 3	345

Оллнат Л.

- О54 Небо принадлежит нам : роман / Люк Оллнат ; пер. с англ. Е. Клиповой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-389-13531-4

Роб Коутс уверен, что вытянул счастливый билет в лотерею жизни. У него есть все: любимая жена Анна, увлекательная работа, прекрасный дом в Лондоне и самое главное, самое дорогое — долгожданный сын Джек, веселый, энергичный, одаренный мальчик. Джека манит высота, и он мечтает подняться на все знаменитые небоскребы мира, чтобы сделать панорамные фотографии. Но наступает черный день, в дом Коутсов приходит нежданная беда, и все, что так любил Роб, все, во что он верил, начинает рассыпаться в прах. И именно в тот момент, когда кажется, что рвется ниточка последней надежды, Роб отправляется в незабываемое путешествие, чтобы найти свой путь к новой жизни и прощению.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЛЮК ОЛЛНАТ
НЕБО ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Элеонора Шорина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Терскова, Елена Шнитникова

Подписано в печать 20.12.2018. Формат 84 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 23,52.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

И-ЖМ-21715-01-Р